

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2025.59.87.002

Теоретическое обоснование суицидальности как экзистенциала образа мира личности

Дяченко Андрей Анатольевич

Ассистент кафедры общей и клинической психологии,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: dyachenko_aa@bsuedu.ru

Аннотация

Данная статья посвящена теоретическому обоснованию концепта суицидальности как экзистенциала в структуре образа мира личности. В условиях современных социокультурных трансформаций и возрастающей неопределенности, провоцирующей экзистенциальные кризисы, проблема суицидального поведения приобретает особую научную актуальность. Традиционные подходы к изучению суицида, фокусирующиеся на поведенческих, патопсихологических или социоэкономических факторах, зачастую оказываются недостаточными для раскрытия глубинной, смысловой природы данного феномена. В статье осуществляется анализ концепций образа мира в отечественной психологии и экзистенциала в контексте западной и отечественной философско-психологической мысли. Предлагается рассмотрение суицидальности как самостоятельного экзистенциала, формирующего специфическую смысловую перспективу личности, которая не сводима к совокупности патологических проявлений или конкретных действий, а представляет собой уникальный модус бытийного проживания мира.

Для цитирования в научных исследованиях

Дяченко А.А. Теоретическое обоснование суицидальности как экзистенциала образа мира личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 9А. С. 13-23. DOI: 10.34670/AR.2025.59.87.002

Ключевые слова

Образ мира, экзистенциал, суицидальность, смысл жизни, бытие-к-смерти, суицид, экзистенциальная психология, психологическое консультирование.

Введение

Несмотря на значительный объем работ, посвященных этиологии, факторам риска и профилактике суицидального поведения, недостаточно изученным остается вопрос о детерминирующем влиянии внутренней картины мира, системы личностных смыслов и отношения к жизни и смерти на динамику формирования суицидальных тенденций. Большинство исследований акцентирует внимание на экзогенных (социальных, семейных, экономических) и индивидуально-психологических (личностные черты, психические расстройства) факторах риска, игнорируя при этом интегративные структуры сознания, такие как образ мира. Исследование образа мира, понимаемого вслед за А.Н. Леонтьевым как сложная интегративная система идеальных продуктов сознания (значений), позволяет выявить глубинные основания суицидального поведения [Серкин, 2006]. Оно дает возможность осмыслить, каким образом индивид воспринимает свою жизнь и феномен смерти, и как это соотносится с суицидальностью.

Основная часть

Проблема влияния внутренней картины мира, системы смыслов и отношения к жизни и смерти на формирование суицидальных тенденций требует особого подхода. Введение экзистенциальной оптики позволяет выйти за пределы строго естественно-научной установки в анализе образа мира и суицидального поведения, повышая практическую значимость результатов для разработки программ профилактики и психокоррекции.

Категория «образ мира» занимает центральное положение в современной психологической мысли, обозначая сложность, целостность и многомерность субъективной реальности человека. Центральное место в отечественной психологии занимает понимание образа мира в концепции А.Н. Леонтьева. Он рассматривает проблему образа мира не как частный аспект восприятия, а как ключевую проблему психологии сознания. А.Н. Леонтьев акцентирует, что формирование и функционирование образа мира должны исходить из целостного процесса построения у субъекта интегральной картины действительности. Согласно А.Н. Леонтьеву, образ мира для человека обретает полноту исключительно в пространстве смыслов: индивид воспринимает предметы и явления не только по их физическим признакам, но, прежде всего, как носителей значений, выработанных в индивидуальной и коллективной практике. Фундаментальная идея А.Н. Леонтьева заключается в том, что образ мира не тождественен простой сумме ощущений и восприятий; чувственные модальности служат лишь "строительным материалом", тогда как целостность и предметность образа обуславливается его включённостью в систему значений и способов деятельности субъекта [Леонтьев, 1983].

Развивая представления А.Н. Леонтьева, С.Д. Смирнов концептуализировал соотношение ядерных и поверхностных структур образа мира. Он рассматривает образ мира как своеобразное ядро сознания, отличающееся амодальностью и универсальностью, а чувственно или рационально оформленная «картина мира» отражает поверхность этого ядра [Смирнов, 1981]. Е.Ю. Артемьева, продолжая эту линию, акцентирует интеграл объёмных следов взаимодействия человека с действительностью, проявляющихся в индивидуальном опыте. Образ мира, по Е.Ю. Артемьевой, является активным интегратором, опосредующим поведение субъекта и обладающим избирательностью и уникальностью [Артемьева, 1999].

В отечественной психологии концепция трехслойной структуры образа мира, разработанная

Е.Ю. Артемьевой и В.П. Серкиным, получила особое значение как теоретическая и методологическая основа для эмпирических исследований. Согласно данной концепции, структура образа мира включает три иерархически соподчиненных слоя:

- Ядерный слой: амодальный целемотивационный комплекс, включающий интегративные обобщенные смыслы, ведущие жизненные цели, мотивы и базовые основания идентичности субъекта.
- Семантический слой: система значений, транзитивная между глубинными мотивационно-смысловыми и поверхностными перцептивными образованиями, аккумулирующая индивидуальное знание и интернализированные социальные нормы.
- Перцептивный слой: наиболее изменчивый и динамичный пласт, включающий непосредственные образы актуального восприятия, характеризующийся модальностью и подверженный влиянию конкретных жизненных ситуаций.

Концепция трехслойной структуры образа мира позволяет не только комплексно описать его организацию, но и делает возможным эмпирическое измерение каждой из составляющих [Артемьева, 1999].

В подходе Г.А. Берулавы акцентируется, что формирование образа мира обусловлено не только уровнем освоения научных знаний, но и глубоко субъективными, мифологическими, неосознаваемыми структурами личности, которые задают аксиологическую перспективу и определяют модусы жизнедеятельности человека. Она подчеркивает необходимость перехода от формализованного, статистически-ориентированного исследовательского инструментария к более сложным, проективным методам диагностики образа мира. В этом контексте образ мира понимается как мифологическая структура – символ, обладающий синкретичностью, интегративностью, способностью связывать чувственное и рациональное, индивидуальное и коллективное, сознательное и бессознательное [Берулава, 2001].

Многоуровневые модели, развитые на основе идей А.Н. Леонтьева и его последователей, позволяют рассматривать образ мира как динамическое, активно формируемое образование, пронизанное смысловыми, ценностными и культурно-историческими элементами. Осмысление структуры и функций образа мира открывает новые перспективы в анализе личности, понимании механизмов адаптации, мотивации и саморазвития.

Рассмотрев структурные особенности образа мира, логично перейти к анализу глубинных оснований человеческого бытия – экзистенциалам, которые раскрывают сущностные способы переживания реальности.

Философские истоки и развитие концепта экзистенциала неразрывно связаны с фундаментальной проблемой бытия человека в мире, что ознаменовало принципиальный поворот в западной философии первой половины XX века. Формирование данного понятия происходит на пересечении феноменологии и экзистенциализма в контексте поиска новых способов осмысления человеческого существования, выходящих за рамки классических категориальных структур.

Термин «экзистенциал» был предложен Мартином Хайдеггером в современной философии и в качестве фундаментального понятия, которое противопоставлялось традиционной «категории». В то время как категории описывают всеобщие и универсальные формы мышления, экзистенциалы суть априорные структуры, характеризующие конкретное человеческое бытие. В теории М. Хайдеггера бытие осмысливается как человеческое существование (Dasein), обладающее своей спецификой и уникальной структурой. В его фундаментальном труде «Бытие и время» экзистенциалы становятся центральным понятием для

описания онтологической конституции человека, обозначая способы бытия, через которые раскрывается экзистенция как таковая [Хайдеггер, 2013].

По Хайдеггеру, экзистенциалы являются априорными способами, которыми Dasein (человеческое существование) конституируется. В отличие от объективных свойств, они выражают фундаментальные бытийные характеристики, такие как «бытие-в-мире», «бытие-с-другими», «бытие-к-смерти» и «забота». Следовательно, экзистенциал определяется не как абстрактная категория, а как конкретная форма существования, раскрывающая уникальную вовлеченность человека в мир, его отношения с другими и осознание собственной конечности. Например, «бытие-в-мире» раскрывает фундаментальную связанность человека с его окружением; при этом «мир» у М. Хайдеггера не является просто внешней реальностью, а представляет собой особое поле значимостей, в котором индивид постоянно вовлечён в деятельность, отношения, проекты, и именно через эту вовлеченность мир становится частью структуры самого существования [Хайдеггер, 2013].

Медард Босс, как продолжатель философских идей Хайдеггера, представляет собой одну из наиболее радикальных попыток переосмыслить основания медицины и психологии. Босс декларирует принципиальную несостоятельность сведения человеческого бытия к объекту естественнонаучного исследования, критикуя картезианский дуализм. Вместо этого, он вводит в рассмотрение человека совокупность «экзистенциалов» – базовых модусов бытия Dasein. К ним относятся пространственность (не только физическое положение, но и экзистенциальная «открытость»), темпоральность (временность как глубокое ощущение собственной включённости в прошлое, настоящее и будущее), телесность (живое переживание тела, выходящее за пределы «физического») и т. д. [Boss, 1983]

В отечественной философской и психологической мысли осмысление феномена экзистенциала прошло путь от заимствования европейских концептов к формированию самостоятельных теоретических подходов. В работах А.С. Гагарина экзистенциалы понимаются не только как фундаментальные основания индивидуального опыта, но и как своеобразные смысловые координаты, определяющие возможности самопонимания, жизненного выбора, преодоления кризисных и пограничных состояний. Отечественные исследователи склонны анализировать экзистенциал как структуру, отражающую одновременно внутренний и внешний опыт человека, подчеркивая, что «быть-в-мире» всегда означает не только существование, но и активное взаимодействие с миром. Значительное место занимает проблема трансцендирования, рассмотренная как внутренняя интенция человека к выходу за пределы наличного, предметного мира к предельным смыслам [Гагарин, 2023].

Обобщая рассмотрение феномена экзистенциала, можно отметить, что различия между классическими категориальными структурами и экзистенциалами демонстрируют принципиальную перемену в осмыслении человеческого существования как уникального, неповторимого и укоренённого в опыте бытия. Экзистенциальные подходы, обогатили инструментарий психологии XX века, позволив взглянуть на вопросы здоровья, патологии, смысла и личностной самореализации с позиции целостности жизненного мира и бытийной включённости человека.

Как было показано в предыдущих разделах, в рамках развития психологической науки категория «образ мира» утвердилась как одно из наиболее многослойных и одновременно прикладных образований для анализа субъективной реальности человека. В свою очередь, концепт экзистенциала, изначально возникший из экзистенциальной антропологии для описания универсальных модусов бытия, постепенно трансформировался из чисто

философского дескриптора в мощный инструмент исследования внутреннего мира личности. В связи с этим представляется крайне актуальным рассмотреть, каким образом интеграция понятий «образ мира» и «экзистенциал» может быть использована для теоретического осмысления и методологической практики изучения глубинной структуры психического.

Изложенные концепции образа мира единогласно утверждают, что ни один из его компонентов — будь то сенсорные данные, когнитивные схемы или социальные сценарии — не является самодостаточным. Решающее значение принадлежит целостности структуры, где каждый элемент приобретает смысл лишь в системе взаимосвязей с другими уровнями. Вместе с тем, в классических и современных теориях подчеркивается, что уникальный и аутентичный опыт субъекта всегда превосходит любую «жесткую» схему, включая в себя не только рационально-логическую, но и иррационально-экзистенциальную составляющую.

Именно здесь возникает принципиальный теоретический смысл обращения к экзистенциалу как к методологическому инструменту. Он позволяет структурировать изучение образа мира таким образом, чтобы не утратить антропологической глубины и одновременно обеспечить методологическую определенность

Актуальность обращения к экзистенциалу как инструменту анализа наиболее наглядно проявляется на материале статьи В.Д. Окладниковой и М.В. Сафоновой «К вопросу о возможности рассмотрения конструкта жизненного мира с позиции экзистенциалов человеческого бытия» [Окладникова, Сафонова, 2023]. Авторы последовательно раскрывают эволюцию научных представлений о жизненном мире, его трактовках в феноменологической философии, социальной науке, культурологии и психологии, акцентируя внимание на сложности интеграции разнородных теоретических подходов и трудностях эмпирического изучения этого феномена в психологии. В работе подчеркивается, что жизненный мир — неотъемлемое основание человеческой реальности, ядро, вокруг которого выстраиваются идентичность и целостность личности. Авторы обозначают два принципиальных противоречия: между философской и психологической сторонами конструкта и между его научной разработанностью и методологическим воспроизводством в эмпирике. Выдвигается идея, что механизм формирования и удержания жизненного мира не может быть объяснён лишь через суммирование опыта и знаний; требуется поиск глубинного основания, позволяющего структурировать и осмыслять целостность человеческой жизни [Окладникова, Сафонова, 2023].

Далее в статье В.Д. Окладниковой и М.В. Сафоновой осуществляется переход к рассмотрению экзистенциалов как возможной основы структурирования жизненного мира. Апеллируя к работам М. Хайдеггера и его последователей, авторы утверждают, что экзистенциалы определяют априорные формы бытия и могут применяться как мыслительные инструменты для анализа индивидуального жизненного мира. В работе последовательно доказывается, что традиционные подходы часто оказываются недостаточными для осмысления феноменов глубинной целостности; экзистенциал же выступает средством предотвращения редукции личностной целостности к совокупности функций [Окладникова, Сафонова, 2023].

Положения, изложенные в данной статье, имеют прямое отношение к нашему исследовательскому вопросу — возможности и целесообразности изучения образа мира через экзистенциал. Жизненный мир и образ мира в данном случае выступают как частные варианты описания одной и той же внутренней реальности, а предпочтение экзистенциального ракурса обосновано тем, что экзистенциал способен обеспечить анализ не только по содержательному (что есть в образе мира), но и по модальному (как это появляется, каким способом задано, какие основания и границы имеет) плану.

Экзистенциал, воплощая в себе априорные структуры человеческой жизни — отношение к пространству и времени, другому, телу, свободе, смерти, надежде, любви, множеству уникальных форм переживания себя и мира — позволяет заложить объективные критерии выявления опорных модусов образа мира. Такой подход открывает путь к дальнейшей интеграции феноменологической, экзистенциальной и антропологической традиций в отечественную психологию, предоставляя новую оптику для понимания сложных феноменов внутреннего мира личности.

Методологический потенциал интеграции понятий образа мира и экзистенциала особенно отчетливо проявляется при анализе пограничных экзистенциальных феноменов, к которым, несомненно, относится суицидальность. Обратимся к историко-психологической реконструкции осмысления этого сложного явления.

В истории философской мысли проблема самоубийства занимает особое место, представляя собой одну из наиболее противоречивых и неоднозначных тем, затрагивающих фундаментальные вопросы человеческого бытия, свободы воли и морального выбора. Осмысление феномена суицида в философии простирается от категорического осуждения и запрета до его рассмотрения как акта свободы или реакции на непереносимые страдания. В античности, взгляды варьировались от строгой позиции Платона и Аристотеля, осуждавших самоубийство как неправомерное распоряжение жизнью или несправедливость по отношению к государству, до представлений стоиков и эпикурейцев, которые допускали добровольный уход из жизни для мудреца или как способ избежать невыносимых страданий. В Средневековье теологическая мысль, представленная Августином Блаженным и Фомой Аквинским, заложила основы христианского осуждения суицида как нарушения божественных заповедей и долга перед обществом. Эпоха Возрождения и Просвещения внесла в этот дискурс элементы гуманизма и рационализма: Мишель де Монтень и Томас Мор допускали обусловленное страданиями самоубийство, тогда как Джон Локк считал право на жизнь неотчуждаемым, а Иммануил Кант категорически осуждал суицид с позиций деонтологической этики долга, видя в нем унижение человечества в своем лице [Антипов, 2021].

Переходя от философских концепций к психологической науке, понимание суицида трансформировалось в сторону более системного и эмпирически обоснованного подхода. Различные школы предложили свои объяснительные модели.

Конституциональный подход рассматривает суицид как результат генетической предрасположенности и наследственных факторов, акцентируя роль биологических аспектов. J.J. Mann и соавторы выделили понятие суицидального диатеза, связанного с комбинацией генетических маркеров, влияющих на нейромедиаторные системы (например, серотониновую). Исследования показывают, что генетические факторы могут взаимодействовать со стрессовыми факторами, усиливая риск суицидального поведения, и влиять на метаболизм нейромедиаторов [Mann, Arango, Marzuk, 1997].

Психодинамический подход рассматривает суицидальное поведение как результат конфликта агрессии и аутоагрессивного поведения, следствие неразрешенных внутренних конфликтов. З. Фрейд указывал, что суицидальное поведение часто является следствием бессознательных мотивов [Фрейд, 2006]. К. Меннингер акцентировал внимание на трех основных компонентах суицидального желания: желании убить, желании быть убитым и желании умереть [Меннингер, 1998].

Э. Шнейдман предпринял попытку феноменологически осмыслить суицидальные тенденции, разграничив понятия «суицидальность» (состояние, предшествующее попытке) и

«летальность» (вероятность успешной реализации акта). Он выделил «ключи к суициду» и типологию индивидов, играющих роль в приближении собственной смерти (искатели смерти, инициаторы смерти, игроки со смертью, одобряющие смерть). Также Э. Шнейдманом были выделены универсальные особенности суицидентов, такие как общая цель (решение неразрешимых вопросов), задача (выключение сознания), стимул (невыносимая душевная боль), стрессор (неудовлетворенные потребности), эмоция (беспомощность и безнадежность), амбивалентное внутреннее отношение, сужение когнитивной сферы, предельная форма бегства и подача сигналов бедствия [Шнейдман, 2007].

Особое место в осмыслении суицида занимает экзистенциальная философия и психология. Здесь суицид рассматривается не как исключительно медико-социальный феномен или патология, а как радикальное проявление человеческой свободы – способности выбирать не только пути реализации себя в мире, но и гипотетическую возможность поставить предел собственному бытию.

В философии М. Хайдеггера экзистенциал «бытие-к-смерти» занимает центральное положение, выступая краеугольным камнем его онтологического анализа человеческого существования. Смерть, для М. Хайдеггера, – это не событие, а внутренняя, переживаемая перспектива, придающая смысл и форму всей жизни. Он подчеркивает, что конечность – неотъемлемое измерение экзистенции, открывающее горизонты осознанного существования. Однако суицид в хайдеггеровском контексте не является реализацией экзистенциала «бытия-к-смерти», поскольку не содержит подлинного принятия конечности и ответственности, а скорее выглядит как способ бегства от аутентичного бытия [Хайдеггер, 2013].

В экзистенциальной концепции Медарда Босса проблема суицида и суицидальности рассматривается сквозь призму бытийной обусловленности человека, явленной в анализе структуры *Dasein*. М. Босс утверждает, что феномен суицидальности коренится в специфических модусах бытия-в-мире, прежде всего в нарушении аутентичного способа соотнесенности с собственной экзистенцией, другими людьми и миром. Суицид здесь видится не столько следствием патологических процессов, сколько следствием онтологического отчуждения, утраты или крайней ограниченности экзистенциальных возможностей [Mann, Arango, Marzuk, 1997].

Экзистенциальное осмысление суицида в отечественной психологии находит развернутое выражение в работах Д.А. Леонтьева, который последовательно интегрирует экзистенциальный подход в анализе феномена суицида. Центральной темой его работ является суицид как экзистенциальная проблема выбора и принятия решения в пользу жизни или смерти. Он воспринимает акт самоубийства как предельно личностный и глубоко мировоззренческий выбор, сопряжённый с уникальным переживанием рефлексии над собственной жизнью и смертью. По мнению Д.А. Леонтьева, экзистенциальная проблематика суицида становится критической точкой в понимании человеческой субъектности, возникая там, где субъект обретает способность занять рефлексивную и произвольную позицию по отношению к своей жизни. Осознание возможности самоубийства сопровождает становление рефлексивного сознания, однако причина суицида заключается не в осознании этой возможности, а в принятии решения в пользу смерти, а не жизни [Леонтьев, 2008].

Д.А. Леонтьев подчеркивает, что «жизнь суицида» – внутренняя деятельность переживания и осмысления этой возможности – при условии конструктивного к ней отношения, содержит максимальный позитивный потенциал. Выбор жизни, сделанный на этой основе, оказывается прочнее и глубже, чем «естественная» биофильная ориентация, сформировавшаяся без

конфронтации с альтернативной возможностью. Суицидальность, согласно его концепции, проявляется на фоне кризиса смыслового пространства, утраты человеком жизненных смыслов. Он делает акцент на понятии личностного потенциала как системной организации внутренних критериев, способствующих сохранению устойчивых смысловых ориентаций и сопротивлению деструктивному влиянию обстоятельств. Суицид в таком представлении – свидетельство недостаточно развитого личностного потенциала, психической ригидности и утраты экзистенциальной перспективы, что ведет к «психологическому суициду» – уничтожению конкретной идентичности и способа жизни, но не обязательно самого тела, что открывает путь к обновлению на основе экзистенциального Я [Леонтьев, 2008].

Экзистенциальный подход, представленный в трудах западных и отечественных авторов, ставит в центр внимания уникальность индивидуального жизненного мира, глубину личных смыслов и степень внутренней ответственности субъекта за свою судьбу.

Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что суицид – это не просто клинический случай или социальная девиация, но сложный экзистенциальный феномен, требующий комплексного междисциплинарного подхода к его интерпретации.

Одной из центральных задач настоящего исследования является концептуализация и теоретическое обоснование суицидальности как самостоятельного экзистенциала. В современной психологической литературе преобладают такие операциональные категории, как «суицидальное поведение», «аутоагрессивное поведение» и «суицид». Однако эти термины охватывают лишь отдельные грани феномена – фактические действия, паттерны агрессии, направленной на себя, или завершённый акт самоубийства. При этом остается не до конца раскрытым вопрос о возможности объединения внутренней предрасположенности, специфического смыслового наполнения и характера переживаний, которые могут обуславливать обращение индивида к теме саморазрушения.

Исходя из этого, в рамках данного анализа предлагается осмысливать суицидальность не как сумму клинических проявлений или поведенческих актов, но как глубинную структуру человеческого бытия. Она не сводима к перечню патопсихологических симптомов, а выступает как особый модус присутствия в мире, формирующий уникальную смысловую перспективу личности. Суицидальность становится внутренней координатой самоощущения, задающей горизонты свободы и конечности бытия. Феномен саморазрушения может выступать не как следствие или результат, а как определенный способ бытийного проживания мира.

Суицидальность, рассматриваемая сквозь экзистенциальную призму:

- Представляет собой не статичное действие или одномоментный акт, а динамичный способ проживания.
- Функционирует не как патологический симптом, но как системообразующий принцип человеческого существования, который проявляется независимо от непосредственного перехода в суицидальное поведение.
- Отражает специфический стиль смыслообразования, где идеи уничтожения, прекращения или радикального отказа от бытия приобретают роль внутренней координаты самоотнесения.
- Может проявляться как индивидуальное экзистенциальное поле, оказывающее влияние на мотивационные, ценностные и смысловые системы субъекта вне зависимости от наличия конкретных действий или планов.

Обращение к экзистенциальной оптике позволяет преодолеть редукционизм патогенетических и поведенческих моделей, открывая путь к пониманию фундаментальных

закономерностей, определяющих место суицидальности в образе мира субъекта. Сама возможность осмысления самоубийства интегрируется в представления о себе, о мире и о собственной идентичности как потенциальность, способная трансформировать восприятие различных аспектов бытия. Г. Марсель указывал на то, что осознание возможности суицида может стать отправной точкой для зарождения подлинного метафизического мышления [Мартинес, 2019]. В психологической науке Д.А. Леонтьев подчеркивает, что «возможность самоубийства как такового сопровождает становление рефлексивного сознания. Пока такое сознание не сформировалось, человек не является в полной мере субъектом своей жизни и не может принять осознанное решение о ее прекращении — разве что, импульсивно реагируя суицидом на невыносимую боль, что может наблюдаться и у животных» [Леонтьев, 2008, с. 65].

Экзистенциальное понимание суицидальности требует отхода от формального разграничения между эпизодами деструктивного поведения и внутренним полем напряженности, связанным с темами жизни и смерти. В рамках данного подхода суицидальность может быть проанализирована как внутренний ландшафт, включающий переживания тревоги, абсурда, утраты смысла, усталости или разочарования в мире.

Заключение

Таким образом, под суицидальностью нами понимается весь комплекс феноменов, непосредственно связанных с тенденциями, направленными на суицид. Это понятие объединяет как проявления, связанные с суицидальным поведением личности, так и ее внутренние представления о суициде как об общественном феномене. Суицидальность — это экзистенциал бытия человека, манифестирующий себя в его образе мира. Данная перспектива позволяет исследовать суицидальность в контексте образа мира более комплексно, анализируя ее на перцептивном, семантическом и мировоззренческом уровнях. При этом данный подход позволяет преодолеть традиционную дихотомию суицидального риска, рассматривая суицидальные тенденции не исключительно с позиции потенциальной опасности, а с точки зрения широкого типологического разнообразия, лишенного жесткой функциональной привязки феномена.

Представленный подход демонстрирует ключевые преимущества рассмотрения феноменов образа мира как экзистенциалов человеческого бытия в сравнении с классически научной формой осмысления посредством «категорий». В частности, демонстрируя «суицидальность» как один из таких экзистенциалов, погруженных в образ мира человека. Экзистенциал описывает способы существования, а не фиксированные сущностные характеристики, что способствует сохранению процессуальности феноменов, при этом сохраняя универсальный, онтологический характер, в меньшей степени зависимый от контекстных параметров, что позволяет увидеть суицидальность как способ проживания, а не комплекс клинико-психологических симптомов. Также экзистенциал выходит за рамки стандартной дихотомии «субъект — объект», что позволяет поддерживать связь образа мира с наблюдаемыми феноменами, не утрачивая при этом соотнесенности с онтологическими основаниями существования.

Библиография

1. Антипов, А.В. Суицид в оценках морального сознания: история и современность (дисс.) [Текст] / А.В. Антипов. — М., 2021. — 155 с.

2. Артемьева, Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики [Текст] / Е.Ю. Артемьева. – М.: Наука, 1999. – 350 с.
3. Берулава, Г.А. Образ мира как мифологический символ: Учебное пособие для вузов [Текст] / Г.А. Берулава. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 46 с.
4. Гагарин, А.С. Экзистирование и трансцендирование: философские интерпретации [Текст] / А.С. Гагарин // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 1 (38). С. 9-14.
5. Леонтьев, А.Н. Образ мира [Текст] / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика. 1983. – С. 251-261.
6. Леонтьев, Д.А. Экзистенциальный смысл суицида: жизнь как выбор [Текст] / Д.А. Леонтьев. // Консультативная психология и психотерапия. – 2008. – Том 16. № 4. – С. 58-82.
7. Мартинес, Яки А.Р. Экзистенциальная философия для психотерапевтов... и других любопытных. / Пер. Ю. Тихонова, под ред. В. Тверицкая [Текст] / Яки Андрес Роблес Мартинес. – М.: Институт Общегуманитарных Исследований. – 2019. – 404 с.
8. Меннингер, К. Человек против себя [Текст] / К. Меннингер; пер. с англ. под ред. В. Л. Райковой. – М.: Психотерапия, 1998. – 416 с
9. Окладникова, В.Д. К вопросу о возможности рассмотрения конструкта жизненного мира с позиции экзистенциалов человеческого бытия [Электронный вариант] / В.Д. Окладникова, М.В. Сафонова // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2023. №1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-rassmotreniya-konstrukta-zhiznennogo-mira-s-pozitsii-ekzistentsialov-chelovecheskogo-bytiya> (дата обращения: 02.05.2025).
10. Серкин, В.П. Пять определений понятия «образ мира» [Электронный вариант] / В.П. Серкин // Вестник МГУ. Сер.14. Психология. 2006. №1. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/3c7jjg9fb/73593553.pdf> (дата обращения 17.04.2025)
11. Смирнов, С.Д. Мир образов и образ мира [Электронный вариант] / С.Д. Смирнов // Вестник Моск. ун-та. Сер.14: Психология. 1981. №2. – С.15-29. URL: http://evgenysavin.ru/_ld/0/18_9Aw.pdf (дата обращения 17.04.2025)
12. Фрейд, З. Печаль и меланхолия [Текст] / З. Фрейд. – М.: Эксмо, 2006. – С. 401–422.
13. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Биbihина. – М.: Академический проект, 2013. – 589 с.
14. Шнейдман, Э.С. Душа самоубийцы [Текст] / Э.С. Шнейдман; пер. с англ. А.Д. Лапидус. – СПб.: Питер, 2007. – 208 с.
15. Boss, M. Existential Foundations of Medicine and Psychology / M. Boss. – New York: Jason Aronson, 1983. – 303 p.
16. Mann, J.J. The Cs-50 gene polymorphism and suicide / J.J. Mann, V. Arango, P.M. Marzuk // Psychiatric Clinics of North America. – 1997. – Vol. 20, №3. – P. 667–685.

Theoretical Justification of Suicidality as an Existential of the Personality's World Image

Andrei A. Dyachenko

Assistant of General and Clinical Psychology Department,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: dyachenko_aa@bsuedu.ru

Abstract

This article is devoted to the theoretical justification of the concept of suicidality as an existential in the structure of the personality's world image. In the context of modern socio-cultural transformations and increasing uncertainty provoking existential crises, the problem of suicidal behavior acquires particular scientific relevance. Traditional approaches to studying suicide, focusing on behavioral, pathopsychological or socio-economic factors, often prove insufficient for revealing the deep, meaningful nature of this phenomenon. The article analyzes the concepts of

world image in domestic psychology and existential in the context of Western and domestic philosophical-psychological thought. It is proposed to consider suicidality as an independent existential that forms a specific meaningful perspective of the personality, which is not reducible to a set of pathological manifestations or specific actions, but represents a unique mode of existential living in the world.

For citation

Dyachenko A.A. (2025) Teoreticheskoye obosnovaniye suitsidal'nosti kak ekzistentsiala obraza mira lichnosti [Theoretical Justification of Suicidality as an Existential of the Personality's World Image]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (9A), pp. 13-23. DOI: 10.34670/AR.2025.59.87.002

Keywords

World image, existential, suicidality, meaning of life, being-toward-death, suicide, existential psychology, psychological counseling.

References

1. Antipov, A.V. Suicide in the assessments of moral consciousness: history and modernity (diss.) [Text] / A.V. Antipov, Moscow, 2021, 155 p.
2. Artemyeva, E.Yu. Fundamentals of psychology of subjective semantics [Text] / E.Y. Artemyeva, Moscow: Nauka Publ., 1999– 350 p.
3. Berulava, G.A. The image of the world as a mythological symbol: A textbook for universities [Text] / G.A. Berulava. Moscow: Pedagogical Society of Russia, 2001. 46 p.
4. Gagarin, A.S. Existentialization and transcendence: philosophical interpretations [Text] / A.S. Gagarin // Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies. 2023. No. 1 (38). pp. 9-14.
5. Leontiev, A.N. The image of the world [Text] / A.N. Leontiev // Selected psychological works. – M.: Pedagogika. 1983. pp. 251-261.
6. Leontiev, D.A. The existential meaning of suicide: life as a choice [Text] / D.A. Leontiev. // Counseling psychology and psychotherapy. – 2008. – Volume 16. No. 4. – pp. 58-82.
7. Martinez, Yaki A.R. Existential philosophy for psychotherapists... and other curious ones. Tikhonov, edited by V. Tveritskaya [Text] / Yaki Andre Robles Martinez. – M.: Institute of General Humanitarian Research. – 2019. – 404 p.
8. Menninger, K. The man against himself [Text] / K. Menninger; translated from English. edited by V. L. Raikova. Moscow: Psychotherapy, 1998. 416 p.
9. Okladnikova, V.D. On the question of the possibility of considering the construct of the life world from the perspective of the existentials of human existence [Electronic version] / V.D. Okladnikova, M.V. Safonova // Bulletin of the KSPU named after V.P. Astafiev. 2023. No. 1 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-rassmotreniya-konstrukta-zhiznennogo-mira-s-pozitsii-ekzistentsialov-chelovecheskogo-bytiya> (date of request: 05/02/2025).
10. Serkin, V.P. Five definitions of the concept "image of the world" [Electronic version] / V.P. Serkin // Bulletin of Moscow State University. Ser.14. Psychology. 2006. No. 1. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/3c7jjg9fb/73593553.pdf> (accessed 04/17/2025)
11. Smirnov, S.D. The world of images and the image of the world [Electronic version] / S.D. Smirnov // Bulletin of Moscow. Uni. Ser.14: Psychology. 1981. No. 2. pp.15-29. URL: http://evgenysavin.ru/_ld/0/18_9Aw.pdf (accessed 04/17/2025)
12. Freud, Z. Sadness and melancholy [Text] / Z. Freud. Moscow: Eksmo, 2006. pp. 401-422.
13. Heidegger, M. Genesis and Time [Text] / M. Heidegger; translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Academic Project, 2013. 589 p.
14. Shneidman, E.S. The soul of a suicide [Text] / E.S. Shneidman; translated from English by A.D. Lapidus. – St. Petersburg: Peter, 2007. – 208 p.
15. Boss, M. Existential Foundations of Medicine and Psychology / M. Boss. – New York: Jason Aronson, 1983. – 303 p.
16. Mann, J.J. The Cs-50 gene polymorphism and suicide / J.J. Mann, V. Arango, P.M. Marzuk // Psychiatric Clinics of North America. – 1997. – Vol. 20, №3. – P. 667–685.